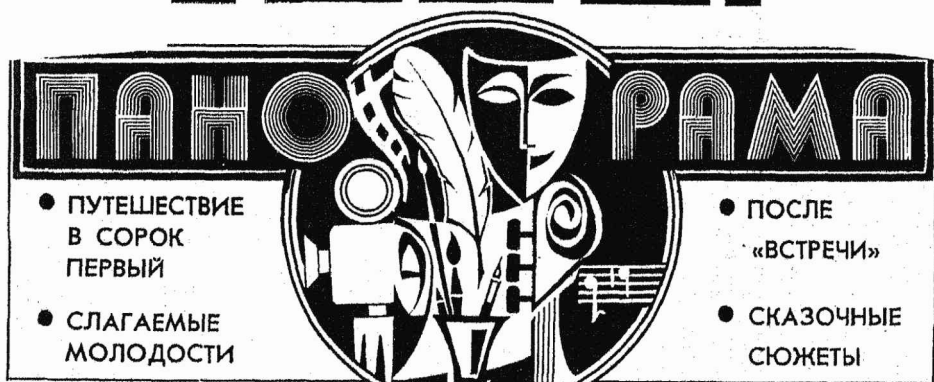

10 ДЕК 1949

ДОМ наш был в семь этажей. Подъездов успели выстроить всего три, для остальных приготовили котлован. За ним начинался большой поселок — бараки, неподалеку темнели избы. Берег был крутым. Зимой санки скачивались прямо на лед Москвы-реки, а летом по всей крутизне стелились огороды. На 1-й Бородинской улице, на подступах к нашему недостроенному дому, были врыты противотанковые надолбы. День за днем зависали вверху заростаты воздушного заграждения. А вечером река отражала только темноту. В школе нас угощали то морковкой, то ломтиком черного хлеба с подобием повидла. Но так было уже не в самые тяжкие для Москвы времена — в сорок втором году.

Потом пришел час — «ежи» выкопали и увезли. В реке стали отражаться фейерверки салютов...

Теперь на месте барак — Кутузовский проспект и Украинский бульвар. Где были огороды — выросли деревья. А сумерки полны светом. Да было ли когда-нибудь поинимум? Было. Было и забвению не подлежит.

О МОСКВЕ сорок первого рассказал концерт «Музы не молчали». В программе этому названию был придан подзаголовок «Музыкальный театр им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко в дни героической обороны Москвы». Режиссер-постановщик концерта М. Дотлибов вместе с заведующим литературной частью И. Казенным разработали драматургически насыщенный сценарий, объединившие уникальные кадры кинохроники, рассказы замечательных артистов Н. Кермарской, Т. Янко, В. Канделаки, документы, прочитанные Ю. Левитаном. Художник А. Лушин одел сцену в скромные концертные сукна. За прозрачной завесой обозначился зна-

комый плакат «Защитим родную Москву». Блики света, то резкого, словно луч прожектора, то огненного, словно зарево пожара, вводили воображение в сорок первый: тогда герои нынешнего концерта были актерами единственного театра, не эвакуированного из города.

Можете ли вы представить себе, как ежедневно в десять утра и в два часа дня зал за-

Наступил миг, и торжественно прозвучали слова: «Ветераны, встаньте». Седым, красивым людям все долго аплодировали. Юные актеры принесли им цветы. То была минута высокого волнения. Из таких минут и состоялся концерт. Взаимно не звучали голоса артистов хора, руководимого И. Мертенсом и А. Варламовым. Точно присягу верности, интерпретирова-

вальс «В лесу прифронтовом»: Н. Гутаровичу вторили живые воины начала сороковых годов. С теплотой произносились имена тогдашнего главного режиссера театра И. Туманова, дирижера Е. Акулова, певицы М. Мельцер... — ничье имя не было забыто. Произведения военных лет Блантера, Молчанова, Дунаевского озаарились новым смыслом, прониклись особым настроением (музыкальный руководитель — В. Кожухарь).

Зрители увидели знаменитый фрагмент балета С. Василенко «Лола», показанный молодыми солистами Н. Трубиной и А. Панариным. Так еще в первом отделении зрители приобщились к неповторимому таланту В. Бурмейстера. Его творчеству было посвящено второе отделение. Шла «Штраусиана» в лучшем ее сегодняшнем составе: с блистательной М. Дроздовой и лирически-грустной Г. Крапивиной, виртуозным Т. Файзыным, дерзким А. Домашевым и аффектным О. Микрашевским. За пультом появился В. Здельман. Он сорок лет назад дирижировал премьерой. Главный балетмейстер театра А. Чичинадзе сказал: «Мы храним «Штраусиану» в память о том незабываемом, героическом времени». Действительно, «Штраусиана» остается живой памятью и о несравненном мастерстве Бурмейстера. Какой верой в жизнь, в свет, в неперемное возвращение мира и радости надо было обладать, чтобы в октябре сорок первого в Москве поставить спектакль — всеянный, — маящий, полный улыбок. Такой верой жил театр. И Москва. И страна. Утверждением этой веры и благодарности героям звучал весь концерт «Музы не молчали».

Е. ЛУЦКАЯ.

● КОНЦЕРТЫ

МУЗЫ НЕ МОЛЧАЛИ

полняется публикой в шинелях и с автоматами? И что такое петь, играть, танцевать в отопленном здании, если на улице минус 40? Способны ли вы оценить радость знаменитой артистки, которой солдаты присылали записку из одного слова «спасибо», а вместо букетов — два кусочка сахара? Можно ли не уверовать в могущество музыки, если публика, трижды вынужденная спускаться в бомбоубежище, возвращаясь, чтобы дослушать «Евгения Онегина»? И можно ли не подивиться трепетному отношению к искусству, узнав историю нот, забытых в машине по дороге из Наро-Фоминска? Много лет спустя после Победы в театре появился боец и с извинениями передал ноты — грязные, обожженные, со следами крови по краям — такими их получил И. Петров. Он слушал эту историю в зале, рядом со своими коллегами. У всех — медали и ордена. И решительно у всех — медаль «За оборону Москвы».

ла Ю. Абакумовская ариозо Воина из кантаты П. И. Чайковского «Москва». Т. Янко вдруг услышала свой собственный голос — пластинка донесла первое исполнение «Катюши». Мы увидели молодого Канделаки в «Парне из нашего города», а потом с юношеским озорством он исполнил песню-шутку «Раздва-три», которая некогда входила в программы фронтовых концертов. Патетика «Моей Москвы» в исполнении В. Маторина сменялась задумчивой «Белой берозой», спетой Н. Исасковой. «Покорствовалась Россия на привала», — пел Л. Болдин с хоровым ансамблем театра, и слова из арии Кутузова стали эпиграфом этого вечера.

Вечер был удивителен. Спая куплеты Париса, А. Мицкевский передал цветы «самой прекрасной Елене» — Н. Кермарской. В. Щербинин строго, словно раздумья и воспоминания, спел «Жди меня». Зал и сцена дышали одним дыханием. Диалогом настоящего с былым стал